

Ольга Вешнева

СПАСАТЕЛИ РАЗБИТЫХ СЕРДЕЦ

RUGRAM

Москва
2024

СЕРИЯ: ГОЛОДНЫЕ ТЕНИ:

1. Ловцы небесных алмазов
- 2. Спасатели разбитых сердец**
3. Дачница на закуску, или Пропала наша Маша
4. Полет опасных желаний

*Книга посвящается моему отцу
Михаилу Мстиславовичу Боровскому.
Он вырос в таежной деревне и на всю жизнь
сохранил любовь к охоте. Мой дорогой отец
с раннего детства привил мне любовь
к чтению, а его рассказы о природе и охоте
повлияли на формирование нелианской расы и
нашли отражение в других моих
авторских сериях.*

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В40

Вешнева О.

В40 Спасатели разбитых сердец / О. Вешнева — М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 298 с. —
(Голодные тени).

ISBN 978-5-517-11489-1

Мне было трудно пережить предательство любимого парня.
Казалось, в тот момент дверца моего сердца навсегда закрылась.

Но снежная зима принесла невероятные приключения,
закружила в хороводе событий. Главная роль в фильме,
интересные знакомства... И вот уже мне приходится выбирать
между двумя красавцами: Кареном и Киареном. Обаятельным
актером и таинственным гостем из другой галактики.

Кто из них предназначен мне судьбой, об этом лишь метель
шепнет на ушко...

BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11489-1

© Ольга Вешнева, текст, 2024
© Екатерина Максименко, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

Глава 1

КНЯЖНА НА ВЫДАНИЕ

**1962 год, СССР,
деревня Котомкино за пределами
Московской области
Зинаида Метелкина**

Кто ест мороженое зимой? Охочая до вкусного лакомства детвора и взрослые чудаки, которым мало царящей вокруг холодрыги. А еще Зинаида Метелкина, как говорили в стародавние времена, девица на выданье двадцати двух лет от роду, с пышными формами, белокурыми кудряшками и румяными на морозе щеками. И почему, спрашивается? Да все потому, что с малых лет привыкла заедать горести сладостями.

Постоянная тоска одиночества, которую сопровождало истязующее душу чувство, будто я чужая в родной семье, — вот какие у меня были спутники в детстве, не считая разряженных в пышные платья с бантами говорящих кукол и потрепанных до залысин плюшевых зверят. Пока мама была жива, она дарила мне свою любовь, но я тогда была совсем малюткой, а потому сейчас уже плохо помню те счастливые, беззаботные дни. С годами узнала, что ее здоровье подорвали измены отца. Тот занимал большую должность — директора кондитерской фабрики, так что конфет, шоколада и помадок с расписными пряниками у нас дома всегда было завались. А уж по праздникам или в дни приема гостей столы прямо-таки ломились от деликатесов, среди которых встречались заграничные подарки.

Немногие труженики огромной страны могли хотя бы увидеть такую роскошь, а тем более попробовать. Но, как известно с древних времен, счастье не купить — ни за пачку денег, ни за ведро черной икры. А его в нашей просторной квартире в четыре комнаты с высокими потолками и паркетными полами надолго не заводилось. Для меня были отдушиной дни, когда из деревни приезжала бабушка, всегда добрая и ласковая, в отличие от грубой и вечно сердитой няньки, которую отец ко мне приставил, как тюремного надзирателя. Я только и слышала от нее: туда не ходи, это брать нельзя, с теми детьми не играй, они тебе не ровня.

Отец вел себя заносчиво, как дореволюционный барин. Соседи не решались просто так с ним заговорить, встретившись у подъезда. К нему можно было обратиться по исключительно важному вопросу, а не обсудить последние новости в мировой политике или похвастаться новым воротником на зимнем пальто.

Я для него была все равно что наследница благородного рода, которой не пристало дружить с челядью и бегать по лужам. Но только если господа дворяне хотя бы на публичке соблюдали правила приличия, то мой непутевый папаша превратил квартиру в дом терпимости, временное пристанище для не обремененного высокими моральными ценностями бабья. Любовницы у него появлялись и исчезали так быстро, что я не всегда успевала запоминать их имена. Все, как одна, приходили под нашу крышу в надежде отхватить кусок посочней, главным призом в лотерее значилась, конечно же, московская прописка. И каждая из них улетала со свистом, как самая обыкновенная панельная не многоэтажка, а ночная бабочка, когда начинала требовать слишком много и давить уже далеко не юному любовнику на нервы, про которые сам отец говорил, что они у него подобны струнам драгоценной старинной скрипки и нуждаются в особо щепетильном уходе.

Себя он беззастенчиво называл человеком высокой и тонкой душевной организации, при том что снаружи был низок и толст. Но, как часто бывает, промотав и спустив ни за грош молодость и зрелость, он под старость после тяжелой болезни, посадившей его в инвалидную коляску, оказался бы совсем никому не нужен, если бы единственная дочь затаила обиду. Не скрою, это было нелегко, но я нашла в себе силы простить родного человека и не бросить на попечение ворчливой престарелой сиделки, как он меня бросал на произвол злобной няньки. Молодые и красивые “бабочки” разом куда-то упорхнули, закрыли двери рестораны и курорты, а все те соседи, что прежде раскланивались и величали по имени-отчеству, теперь в голос хихикали за спиной, мол, догулялся старый мухомор и шляпка отсохла.

Из-за колких насмешек отец почти перестал появляться на улице, несмотря на то, что лечащий врач настаивал на ежедневных прогулках в парке и твердил о пользе свежего воздуха. Мне приходилось уговорами вытаскивать его из квартиры и самой за него густо краснеть. Везти его в инвалидной коляске по двору и выслушивать гадости из уст лавочных сплетниц и любителей стучать костяшками домино под крепкое словцо.

Отец повторял, что умрет без возможности поговорить с той, кто выслушает его жалобы на судьбу и не осудит хотя бы вслух. Умолял меня в отъезде звонить ему по возможности каждый день, и вот я, приехав на съемки фильма в маленькую деревушку за много километров от Москвы, первым делом поспешила исполнить его просьбу. Закинула свои вещи в предоставленный нам с подругой дом и потопала по заснеженной дороге к колхозной сторожке, где был телефон общественного пользования.

Узнав о том, что должна приехать съемочная группа, дельцы из ближайшего города пригнали лавку на колесах.

Чего там только не было по взвинченным раз в три ценам! Я взяла эскимо и встала в конец очереди к телефону.

Деревенские на меня косились и оглядывались, как на известную артистку. Во взгляде одних читалась зависть, другие смотрели с осуждением, третьи подсчитывали собственную выгоду от участия в массовой за плату. Четвертых было меньше, и смотрели они проще остальных, беззлобно, но как на редкого зверька, какого не видали отродясь.

Сразу за болтливой теткой, которая на полчаса заняла телефон и, как ее ни торопи, пока не собиралась уступать трубку другим людям, терпеливо стоял наш режиссер Аркадий Натанович Фальгнер, невысокий худощавый мужчина пятидесяти двух лет. Съёмочная группа прозвала его Нафталинычем. А все потому, что любил он самолично проверять реквизит и на больших сборах перед отъездом вышел из костюмерной весь пропахший нафталином со старых вещей. Ему это прозвище шло, он и правда был немножко похож на выцветший костюм, долгие годы провисевший в гардеробной. Привычка в задумчивости сутулиться и морщить лоб зрительно прибавляла ему возраста. Редящие волосы — не то русые с проседью, не то серовато-темные с рыжиной — каждый раз выглядели по-разному, в зависимости от того, ясный или пасмурный выдался день и как выставлен свет на съёмочной площадке или кинопробах. Голос у Аркадия Натановича был тихий, но не скромный и застенчивый, а требовательный или назидательный.

Мы, четверо студентов театрального института, которым с его легкой руки посчастливилось получить полноценные роли в кинофильме, любили его, как мудрого наставника. Были ему безмерно благодарны за то, что подарил нам настоящую путевку в жизнь, дал шанс проявить свои таланты, выступая наряду с заслуженными артистами.

Аркадий Натанович сказал, что только от нас самих зависит, сможем ли мы стать, как они, народными любимца-